

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

**К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ИЗ ГРЕЧЕСКОГО
В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

(По материалам переводных произведений Киевского периода)

I

Для изучения лексики древнерусского литературного языка XI—XII вв. наряду с самобытными русскими произведениями, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и др., имеют большое значение также и памятники переводной письменности.

В первую очередь должны быть привлечены данные лексики тех произведений, которые несомненно были переведены на Руси (но не у южных славян), русскими переводчиками и непосредственно на древнерусский язык в XI—XII вв.¹ Многие из этих книг представляют особый интерес потому, что имеют повествовательный характер и по содержанию не относятся к памятникам собственно церковно-богослужебной письменности. Важно, кроме того, и то, что отдельные переводные произведения значительно больше по своему объему, чем оригинальные, и сохранились в многочисленных списках.

Среди памятников древнерусской переводной письменности одно из видных мест, бесспорно, принадлежит известному переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, иудейского историка I века н. э.

Это выдающееся произведение мировой литературы, написанное автором-евреем на греческом языке для римских читателей, громадное по содержанию и объему, было широко известно и распространено во всех европейских странах в эпоху средневековья и неоднократно переводилось на различные языки западных и восточных народов. С большим мастерством оно было переведено и в Киевской Руси. Перевод был осуществлен не позднее начала XII века, причем с значительной долей вероятности можно предполагать, что перевод не должен быть моложе второй половины XI века².

Хотя списки древнерусского перевода «Истории» и дошли до нас лишь от времени не ранее первой половины XV века, однако текст этого произ-

¹ См. А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. VIII. Особенности русских переводов домонгольского периода. «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 88, вып. 3. СПб., 1910, стр. 162—176.

² Соображения по поводу возможной датировки перевода см. в нашей монографии, посвященной изданию и исследованию текста древнерусского перевода «Истории» Иосифа Флавия, издающейся отдельной книгой в серии «Памятники древнерусской литературы». Книга печатается в издательстве АН СССР.

ведения и его языковая структура, в особенности лексика и синтаксис, сохранились с достаточной полнотой. В них легко могут быть выделены языковые наслоения последующей поры, внесенные позднейшими переписчиками, что дает возможность с большой долей вероятности восстановить первоначальный языковой строй протографа. Поэтому подробное исследование лексики данного памятника, без всякого сомнения, может пролить свет на многие нерешенные вопросы в истории древнерусского литературного языка так называемой старшей формации.

Перевод был сделан, бесспорно, с греческого языка и соответствует той же самой редакции «Истории Иудейской войны», которая представлена в сохранившихся до нашего времени греческих списках XI—XV вв. Они были положены в основу критического издания, которое было осуществлено Бенедиктом Ниезе в 1894 г.³ Однако в отличие от ряда других переводных произведений славянской письменности, которые слово в слово воспроизводят свой подлинник, перевод «Истории» был сделан с редкой для этого времени стилистической свободой. Переводчик не только по своему выбору и разумению сокращал и упрощал текст переводимого им произведения, но и вносил дополнения. Одни из этих дополнений касаются содержания и приводят новые сведения об излагаемых в тексте событиях, другие носят главным образом стилистический характер. С их помощью переводчик достигал большей выразительности, делал свой труд ясным, понятным и доступным как по содержанию, так и по языку для своих современников. Именно поэтому перевод «Истории» и должен рассматриваться как один из важнейших литературных памятников переводной письменности Киевского периода, как один из ценнейших источников для изучения древнерусского литературного языка⁴.

В языке перевода, поскольку он сделан с греческого оригинала, естественно, видное место принадлежит словарным заимствованиям из греческого языка. Исследование этих заимствований позволяет нам установить их удельный вес в словарном составе древнерусского литературного языка. С другой стороны, их изучение поможет нам выяснить пути и способы проникновения грецизмов, уточнить взаимосвязи между греческим и русским языком в начальный период его исторического существования.

II

Древнерусский переводчик «Истории» оставил в своем труде многие слова подлинника без перевода. Подобного рода лексические грецизмы уже давно вошли в словарный состав славянских языков в результате издревле существовавших связей между греками и славянами. Поэтому каждый писавший и читавший на старославянском или древнерусском языке легко мог пользоваться этими словами, как общераспространенными и общепонятными, унаследованными от предшествующей эпохи.

Это прежде всего слова церковно-религиозного характера, например, ангель, апостоль, архиерей, евангелие, псалтырь и т. п.

В других случаях лексические грецизмы, оставленные в тексте произведения, были обязаны своим появлением индивидуальному лингвистиче-

³ Flavii Josephi Opera, edidit et apparatus critico instruxit Benedictus Niese. Vol. VI. De bello Judaico libri VII, ediderunt Justus a Destinon et Benedictus Niese. Berolini, apud Wiedemannum, 1894.

⁴ Текст древнерусского перевода: «История Иудейской войны, или 7 слов о положении Иерусалимов» — был издан В. М. Истриным по Волоколамскому и Архивскому спискам (V. M. Istrin. La prise de Jérusalem, vol. I—II. Paris, 1934—1938). Автором статьи подготовлено издание этого памятника по ранее не издававшемуся списку Виленского хронографа с привлечением данных других списков.

скому вкусу самого переводчика, который порою не умел подыскать в своем языке необходимого равнозначного слова. Иногда же он оставлял то или иное слово без перевода по каким-либо другим причинам в соответствии со стилистическими особенностями своего переводческого труда. Здесь мы имеем дело в большинстве случаев со словами, не связанными с церковно-религиозной семантикой, со словами, относительно редко употреблявшимися в самом греческом подлиннике и тем более в родном языке переводчика.

Все лексические заимствования из греческого языка в переводе «Истории» представляется возможным распределить на три группы.

Первую группу образуют слова, которые точно совпадают с соответствующими словами греческого оригинала «Истории». И таких слов, как мы увидим ниже, большинство.

Ко второй группе мы относим такие лексические грецизмы, которым нет соответствия в греческом тексте оригинала. Указанного типа слова встречаются прежде всего в так называемых «дополнениях», внесенных в текст самим переводчиком с целью изложения христианских идей, с целью объяснения смысла излагаемых в «Истории» событий в точки зрения русского книжника XI века⁵. Они употребляются и в стилистических добавлениях, которые пространно повествуют о военных событиях, рисуют картины природы при помощи сравнений и других изобразительных средств речи, отсутствующих в греческом подлиннике. С помощью таких стилистических распространений переводчик старался сделать текст переводимого им произведения более доступным для своих современников.

Наконец, третью группу грецизмов образуют слова, которым в подлинном греческом тексте соответствуют другие лексемы. Переводчик заменяет в своем труде одно греческое слово, стоявшее в данном месте оригинала, другим. Следует добавить, что иногда одни и те же лексемы могут выполнять в тексте перевода различные функции, то есть входить в различные из намеченных нами групп, порою во все три.

Обратимся к подробному рассмотрению каждой из указанных выше групп.

III

I. Слова, которые находят точное соответствие в греческом тексте.

Данная категория слов, в свою очередь, может быть подразделена еще на две подгруппы. К первой подгруппе относятся слова, имеющие преимущественно церковно-религиозное значение. Эти слова мы можем считать общей принадлежностью словарного состава как старославянского, так и древнерусского литературного языка. Их мы, как правило, находим в широко известных словарях Ф. Миклошича и И. И. Срезневского⁶.

Слова, относимые нами ко второй подгруппе, редко встречаются в памятниках переводной письменности и почти всегда могут быть признаны парам legotena — употребленными только в данном месте древнерусского перевода «Истории». Эти слова впервые включаются в научный оборот и обогащают наши представления о словарном составе и выразительных

⁵ О так называемых «дополнениях» перевода «Истории» см. Н. К. Гудзий. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе (Сборник «Древнерусская повесть», М., 1941), стр. 20—47.

⁶ F. Miklošić. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1912.

возможностях древнерусского литературного языка. (Заметим, что словарные пособия и монографии, имеющиеся в нашем распоряжении, этих слов не содержат).

А. Слова, вошедшие в словари Миклошича и Срезневского.

1. Аггелъ (ангелъ) — ἄγγελος;
2. Аггельскъ — прилагательное ἀγγελικός;
3. Адъ — ἄδης;
4. Аерь — ἀήρ, ἀέρος — воздух⁷;
5. Акианъ (океанъ) — ὀκέανος;
6. Амефись⁸ — ἀμέθυστος — драгоценный камень;
7. Анфраксъ — ἀνθραξ — драгоценный камень (буквально „горящий уголь“)⁹;
8. Арганъ — ὄργανον — музыкальный инструмент;
9. Ароматы — ἀρώματα — благовоние;
10. Архиерей — ἀρχιερεὺς — первосвященник (иудейский);
11. Ахати (агатъ) — ἀχάτης — драгоценный камень¹⁰;
12. Варваръ — βάρβαρος¹¹ — иноземец;
13. Вирель — βήρυλλος — берилл, драгоценный камень¹²;
14. Вись — βύσσον — виссон¹³, драгоценная ткань;
15. Вусиньскъ — βύσσινος — вишневый¹⁴;
16. Газофилакя — γαζοφυλακή — сокровищница в храме¹⁵;
17. Газофилакъ — γαζοφύλαξ — начальник храмовой сокровищницы¹⁶;
18. Грамматикъ (грамотѣй) — γραμματεὺς — писец, книжник¹⁷;
19. Грамота — τὰ γράμματα — письмо¹⁸;
20. Дафния (дафнии) — δάφνη — лавровое дерево¹⁹;
21. Догматъ — δόγμα — повеление²⁰;
22. Драгма — δράχμη — мелкая монетная единица²¹;
23. Дѣмонъ — δαίμων — демон²²;
24. Демоньскъ — прилагательное от род. п. — τοῦ δαίμονος;
25. Епистолия — ἐπιστολή — послание, письмо²³;
26. Еферъ — αἰθήρ, асс. — αἰθέρα — эфир, воздушная стихия²⁴;
27. Иаспись — ἰασπς — драгоценный камень²⁵;

⁷ См. М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды. III. Греческие элементы в русском языке. „Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук“, т. 91. СПб., 1912, стр. 3.

⁸ У Фасмера в числе слов, заимствованных через посредничество старославянского языка, это слово приведено в форме „аметусон“ (там же, стр. 3).

⁹ Об этом слове см. П. В. Ериштедт. Египетские заимствования в греческом языке. Л., 1953, стр. 21—23.

¹⁰ У М. Р. Фасмера (ук. соч., стр. 37) — ахат.

¹¹ Там же, стр. 42.

¹² У М. Р. Фасмера этого слова нет.

¹³ Там же, стр. 44.

¹⁴ М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, стр. 44.

¹⁵ Там же, стр. 45.

¹⁶ У М. Р. Фасмера этого слова нет.

¹⁷ Там же, стр. 49—50.

¹⁸ Там же, стр. 50.

¹⁹ Там же, стр. 50.

²⁰ Там же, стр. 55. Фасмер приводит это слово только в богословском значении.

²¹ Там же, стр. 56. Фасмер указывает народно-греческую разновидность этого слова — δράγμα.

²² У Фасмера (ук. соч., стр. 52) — демонъ.

²³ Там же, стр. 53.

²⁴ У Фасмера (ук. соч., стр. 62) — ефера.

²⁵ Там же, стр. 64.

28. Игемония — ἡγεμονία — военачальничество ²⁶;
29. Игемонъ — ἡγεμών — военачальник;
30. Игемоньскъ — прилагательное, принадлежащий военачальнику;
31. Идолъ — εἶδωλον — истукан ²⁷;
32. История — ἱστορία — повествование о прошлом;
33. Касия — κασία — *Mimosa farnesiana* (лат.) ²⁸;
34. Катапетазма — καταπέτασμα — завеса в храме ²⁹;
35. Кесарь — καίσαρ — титул римского императора ³⁰;
36. Кимваль — κύμβαλος — музыкальный инструмент ³¹;
37. Корванось — κορβανᾶς — храмовая сокровищница ³²;
38. Купро — κύπρο — благовоние;
39. Лимень — λιμήν, γεν. λιμένος — пристань ³³;
40. Митрополия — μητρόπολις — главный город страны, столица;
41. Мраморъ — μάρμαρος — минерал ³⁴;
42. Ониксъ — ὄνυξ (ноготь) — драгоценный камень ³⁵;
43. Пасха — πάσχα — еврейский праздник ³⁶;
44. Пентикостия — πεντηκόστη — еврейский праздник ³⁷;
45. Пиганъ — πήγανον — растение;
46. Планита — πλανήτης — планета ³⁸;
47. Полата — παλάτιον — дворец ³⁹;
48. Порфура — πορφύρα — багряница ⁴⁰;
49. Родия — ῥόδιον, ῥοῖδι — гранатовое яблоко ⁴¹;
50. Сапфиръ — σάπφειρος — драгоценный камень ⁴²;
51. Сардисъ — σάρδις — драгоценный камень;
52. Скинопигия — σκηνοπηγία — еврейский праздник ⁴³;
53. Скипетръ — σκήπτρον — жезл ⁴⁴;
54. Спира — σπεῖρα — когорта ⁴⁵;
55. Стихия — στοιχεῖον — стихия, элемент ⁴⁶;
56. Талантъ — τάλαντον — монета ⁴⁷;
57. Темьянь — θυμίαμα — благовоние ⁴⁸;
58. Теревинфъ — τερέβινθος — дубъ ⁴⁹;
59. Топазъ — τόπαζος — драгоценный камень;
60. Трапеза — τράπεζα — стол, кушанье ⁵⁰;

²⁶ М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, стр. 64.

²⁷ Там же, стр. 65.

²⁸ Там же, стр. 81.

²⁹ Там же, стр. 82.

³⁰ Там же, стр. 85.

³¹ Там же, стр. 87.

³² У Фасмера (ук. соч., стр. 96) — корвана, коръвана.

³³ Там же, стр. 114.

³⁴ У Фасмера (ук. соч., стр. 129) — мороморъ, мраморъ.

³⁵ Там же, стр. 135.

³⁶ Там же, стр. 145.

³⁷ У М. Р. Фасмера („Греко-славянские этюды“, стр. 147—148) — пентикостие

³⁸ У Фасмера (ук. соч., стр. 151—152) — планить.

³⁹ Там же, стр. 154—155.

⁴⁰ Там же, стр. 157.

⁴¹ Там же, стр. 167.

⁴² Там же, стр. 173.

⁴³ Там же, стр. 183.

⁴⁴ Там же, стр. 183.

⁴⁵ Там же, стр. 189.

⁴⁶ У Фасмера (ук. соч., стр. 192) — стихие.

⁴⁷ Там же, стр. 199.

⁴⁸ У Фасмера (ук. соч., стр. 202) — тимиамя, тимьянь, фимиамя.

⁴⁹ Там же, стр. 200.

⁵⁰ Там же, стр. 203—204.

61. Уакинфъ — *βάκινθος* — гиацинт, драгоценный камень;
 62. Упать — *υπάτης* — наместник;
 63. Фиала — *φιάλη* — чаша, переносно — название круглого озера в Палестине⁵¹.

Б. Слова, не вошедшие в словари Миклошича и Срезневского.

1. Адоксите — *ἀδοξεῖτε* — оказывает непочтение (II, 16, 4)⁵²;
2. Асфальтъ — *ἀσφάλτης* — асфальт (IV, 8, 4);
3. Валсамъ — *βάλσαμον* — бальзам (I, 16, 2);
4. Дусьнь — *πρὸς δυοῖν* — западный (II, 7, 1);
5. Инь — *τὸ ἴν* с глоссой „еже есть мера шестилитровая“ (V, 13, 1);
6. Илусьскъ — *ἡλύσιος* (II, 7, 1);
7. Кедрьнь — *κέδρινος* — кедровый (V, 3, 1);
8. Кинамо — *κινναμῶνον* — благовоние (V, 3, 1);
9. Кокъ — *κόκκος* — материя (V, 3, 1);
10. Комитисъ — *κομήτης* „волосатая“, переносно — комета (VI, 4, 2);
11. Коракини — *κορακίνη* — рыба (III, 10, 7);
12. Лаханъ — *λαχανεῖα* — сорное растение (I, 9, 8);
13. Лигури — *λιγύριον* — лигурий (драгоценный камень) (V, 5, 7);
14. Муровальнъ — *μυρόβαλλον* — благовоние (III, 2, 5);
15. Муръ — *μύρο* — миро, благовоние (III, 2, 5);
16. Пастофории — *παστοφόριον* — верхнее помещение башни (IV, 10, 12);
17. Салпинкъ — *σάλπιγξ* — труба (IV, 10, 12);
18. Сальпиньскъ — *μετασαλπίγγων* — прилагательное от *σάλπιγξ* (IV, 1, 4);
19. Сикарии — *σικαριοί* — партия в Иудее (*passim*);
20. Симея — *σημεῖαι* — военные знаки римских войск (II, 9, 1);
21. Удрьнь — *τῆς ὕδρας* — принадлежащий мифическому чудовищу Гидре (I, 31, 3);
22. Фриамвъ — *θρίαμβος* — триумф (VII, 2, 1);
23. Фриямьскъ — *θριαμβικός* — прилагательное от *θρίαμβος* (III, 1, 1);
24. Фуникъ — *φοῦνιξ* — финик (III, 4, 6);
25. Хрусолифъ — *χρυσόλιθος* — хризолит, драгоценный камень (V, 5, 6).

Из приведенных нами слов в других памятниках славяно-русской переводной письменности встречаются лишь «комитисъ» в хронике Малалы⁵³ и «муровальнъ» в «Александрии»⁵⁴.

В работе М. Р. Фасмера указанные нами слова не зарегистрированы, за исключением корневых слов, например: «кедръ», от которого образовано прилагательное «кедрьнь»⁵⁵, и «каркыни»⁵⁶ — *σαρκαρ* (рак), которое могло быть сопоставлено с названием «коракини». Остальные из перечисленных слов с полным правом могут быть отнесены к *hарах legomena*.

Рассмотрение приведенной выше группы грецизмов позволяет сделать вывод о том, что древнерусский перевод «Истории» сделан непосредственно с греческого оригинала. В подгруппе А приведены слова, которые уже давно вошли в старославянский литературный язык и к тому времени, когда был сделан перевод, стали общеупотребительными и в древнерус-

⁵¹ Там же, стр. 212—213.

⁵² В скобках указаны номера книги, главы и параграфа „Истории Иудейской войны“, в которых встречается данное слово.

⁵³ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книги VIII—IX. „Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук“, т. 89, вып. 7. СПб., 1912, стр. 17, 24, 18, 32.

⁵⁴ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, прилож., стр. 7.

⁵⁵ М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, стр. 84.

⁵⁶ Там же, стр. 89.

ском литературном языке в качестве старославянизмов. Переводчик мог ими воспользоваться как давно привычным языковым средством. Правда, сказанное относится не ко всем словам данной группы. Так например, названия драгоценных камней («вирель», «иаспись» и др.) или растений («теревинф»), разумеется, не могли быть столь же употребительны в славяно-русском литературном языке, как слово «ангель» и т. п.

Значительно более показательными для выявления оригинала следует признать слова, включенные нами в подгруппу Б. Если из этой группы мы опять-таки исключим названия камней, животных и растений (как «фуникъ», «хрусолифъ», «коракини» и др.), употребляющиеся в специальном значении, то остальные слова мы должны признать грецизмами в собственном смысле слова.

Не всегда можем мы с точностью установить, чем именно руководство-вался переводчик, оставляя то или иное слово непереуведенным; не знал ли он, как его следует перевести, или греческое слово казалось ему по какой-либо причине более подходящим по смыслу или по стилистическому оттенку. Некоторые из этих слов, впрочем, имели характер собственных имен, как «сикарии» или «удрын». Наличие же таких слов, как «адоксите», не могло не вызывать недоумения исследователей (Берендс, Истрин) и до сих пор не нашло объяснения⁵⁷.

Эти слова, грецизмы в собственном смысле, оставленные переводчиком даже в их греческой грамматической форме, указывают на то, что оригинал перевода был греческим, мало того — что оригинал, с которого был сделан древнерусский перевод «Истории», бесспорно не может рассматриваться отдельно от известных нам греческих списков и их рукописной традиции.

Приведенные грецизмы не дают никаких оснований предполагать, что оригинал являлся переводом с арамейского языка на греческий, а затем уже этим переводом воспользовался древнерусский переводчик, как это в свое время пытались доказать Берендс и Эйслер⁵⁸. Исходя из такого предположения, названные исследователи считали возможным утверждать, что все дошедшие до нас греческие списки якобы восходят к последующей, самостоятельной редакции авторского текста «Истории».

Трудно себе представить, чтобы в двух независимых друг от друга редакциях — поскольку таковые предполагаются — в одних и тех же местах могли находиться совершенно одинаковые слова, которые древнерусский переводчик сохранил в полной неприкосновенности в их греческой грамматической форме. Последнее обстоятельство может служить надежным доказательством того, что в основе и древнерусского перевода, и всех дошедших до нашего времени греческих списков «Истории» лежит одна и та же текстуальная редакция. Наличие же такого слова, как «инъ» — τὸ ἴν — мера, указывает, что рукописная традиция оригинала, которым пользовался древнерусский переводчик, и у остальных сохранившихся греческих списков была одинаковой.

Это положение находится в полном соответствии с общим выводом, касающимся отношения греческих текстологических вариантов «Истории» к древнерусскому тексту. Впрочем, это — тема самостоятельного большого исследования.

Переходим к словам второй группы.

⁵⁷ A. Berends und K. Grass. *Josephus Flavius vom Jüdischen Kriege*. Tartu (Dorpat), 1927, S. 12, 81.

⁵⁸ R. Eisler. *ΙΗΣΟΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣΑΣ*, vol. I. Heidelberg, 1928, S. 360—366, а также A. Berends und K. Grass. *Op. cit.* S. 12, 81.

IV

II. Слова, не имеющие полного соответствия в греческом тексте.

1. Адъ — 2 раза.
2. Аеринъ*
3. Аеръ — 2 раза.
4. Араматъ — 2 раза.
5. Грамота — 8 раз.
6. Дискось.
7. Демонъ.
8. Дука.
9. Епистолия, — 2 раза.
10. Ефудъ.
11. Епитимия.
12. Игемонъ — 5 раз.
13. История.
14. Катапетазма.
15. Кация.
16. Кесаревъ.
17. Кесарьскъ.
18. Кесарьство — 4 раза.
19. Кесарьствовати.
20. Литрънь (прилагательное от литръ).
21. Маглавие — 2 раза.
22. Мраморъ.
23. Мраморянь.
24. Олокавтамата.
25. Полата.
26. Порфира.
27. Родостома.
28. Салпиги.
29. Серафимъ.
30. Темианъ.
31. Тимпанъ.
32. Титла.
33. Философия.
34. Херувимъ.

Все названные слова не имеют соответствия в греческом оригинале, встречаясь либо в так называемых «дополнениях», вставках, касающихся самого содержания, либо в стилистических распространениях, имеющих целью более красочно представить изображаемое. Приведем несколько примеров.

В оригинале стояло: «они поторопились отправить в посольство двоих человек», в переводе читаем: «вдаста грамоту двѣма мужема»; в греческом тексте: «прошел, налагая дани на города», в переводе: «иде по дукамъ, емля дань». Любопытно отметить, что далее переводчик словом «дука» передает греческое *φρούραρχος* — «начальник крепости», а еще далее замечает греческое слово славянским «властелинъ».

Громадное большинство слов в рассматриваемой группе принадлежит к числу широко распространенных в славяно-русской переводной и ориги-

* Слова, приведенные без указания на то, сколько раз они употреблены в тексте перевода, встречаются в нем по одному разу.

нальной письменности. Не представляя чего-либо нового для науки, они давно известны исследователям и нашли себе место во всех имеющихся в нашем распоряжении словарях старославянского и древнерусского языков. Как видно из списка, большое количество их было рассмотрено и в подгруппе А, первой из разобранных нами групп грецизмов. Следует остановиться подробнее лишь на отдельных словах, наиболее редких и впервые отмечаемых в древнерусской письменности.

Так, не отмечено в словарях и не встречалось в известных нам текстах относительное прилагательное «литрънь» (мѣра шестилитръная) в глоссе к слову «инь» (V, 13, 1), однако само по себе слово «литръ» («литра»), как обозначение известной меры объема жидкости или сыпучих тел, в славяно-русских текстах не представляет собою ничего необыкновенного.

Особого рассмотрения требует слово «маглавие», которое дважды употреблено переводчиком в стилистических распространениях.

А. Берендс, впервые обративший внимание на это слово, счел его семитизмом, якобы непосредственно отражающим первоначальный арамейский текст «Истории», к которому, по его мнению, должен был восходить славянский перевод. Названный исследователь сопоставил древнерусское «маглавиемь» с еврейско-арамейским *maglabhehem*, т. е. «бичами своми» [арамейское *maglab* (от корня *galab* — брить, делать гладким) — о коже, из которой изготовляла бичи]⁵⁹.

Р. Эйслер⁶⁰, в протиположность этому, не видел в слове «маглавиемь», употребленном в рассказе об избииении напавших на Иосифа жителей Тивериады (II, 21, 5), непосредственное отражение еврейско-арамейского *maglabhehem*, так как «маглавиемь» — это несомненно форма творительного падежа единственного числа от существительного с основой на *io* — «маглавие». Не считал он также возможным возводить это слово непосредственно к греческому оригиналу, где *μαγλαβίω* могло бы стоять на месте *μάστιξιν* (бичами), что мы видим в соответствующем месте «Биографии» Иосифа Флавия. Эйслер высказал мнение, что древнерусское «маглавие» могло бы восходить к позднегреческому заимствованию из арамейского языка, которое проникло в язык византийской эпохи через сарацин, а оттуда уже и в древнерусский язык⁶¹.

В. М. Истрин считал последнее предположение Эйслера вероятным и видел его ошибку лишь в том, что он, исходя из своего основного взгляда на славянский перевод «Истории» как на буквальное воспроизведение какого-то не дошедшего до нас греческого оригинала, восходившего будто бы к первоначальной арамейской авторской версии самого Иосифа, и в данном случае хотел видеть замену греческого слова *μάστιξιν* (бичами, плетьюми) славянским «маглавие»⁶².

В действительности здесь мы имеем дело лишь со свободной передачей текста, как и в другом месте, где используется то же слово в рассказе о мучениях юродивого Иисуса, сына Ананова (VI, 4, 2).

Что же касается до самого слова «маглавиемь» («меглавиемь»), то оно не является одиноким в славяно-русской письменности. Так, оно встречается в переводе хроники Амартола с глоссой «рекше вошагами», т. е. дубинками. В той же хронике встречается слово «маглавить» — *μαγλαβίτης* — воин, вооруженный бичом.

⁵⁹ A. Berends und K. Grass. *Josephus Flavius...*, S. 128.

⁶⁰ R. Eisler. *ἸΗΣΟΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣΑΣ*, S. 366.

⁶¹ *Ibidem*.

⁶² См. Архив В. М. Истрина в Архиве АН СССР, фонд 332, опись 1, № 7—12, черновые записи исследования о древнерусском переводе «Истории» Иосифа Флавия.

В новогреческом языке имеется глагол $\mu\alpha\chi\lambda\alpha\beta\acute{\iota}\zeta\omega$ — «мучу»⁶³. Очевидно, речь идет о широко распространенном в греческом языке византийской эпохи корне, который, возможно, еще в эллинистическую эпоху повлиял под воздействием арамейского или других семитических языков.

Впрочем, существует и другая возможность объяснить этимологию этого слова. В работе В. С. Шандровской «Византийская басня «Рассказ о четвероногих», опубликованной в 1956 г.⁶⁴, мы находим глагол $\mu\alpha\chi\lambda\alpha\beta\omega\kappa\omicron\tau\acute{\omega}$, $\mu\alpha\chi\lambda\alpha\beta\omega\kappa\omicron\tau\acute{\omega}$. В первой части данного сложного глагола легко усмотреть тот же корень слова $\mu\alpha\chi\lambda\alpha\beta$ — $\mu\alpha\chi\lambda\alpha\beta$ — «ремень, ременный, бич». По мнению автора статьи, слово восходит к латинскому *mausclavium* — «ремень»⁶⁵.

В доказательство этой гипотезы В. С. Шандровская ссылается на монографии М. Триандофиллидиса и Г. Мейера, посвященные заимствованным словам в среднегреческом народном языке⁶⁶.

Мы видим, таким образом, что мнение о греческом происхождении этого слова является спорным, но во всяком случае с уверенностью считать его семитизмом, как это делали Берендс и Эйслер, нет оснований. Что же касается его употребления в старославянском и древнерусском литературных языках, то остается бесспорным, что хорошо начитанный в славяно-русской письменности переводчик, без сомнения, свободно мог ввести его в текст перевода от себя, опираясь на доступный тогда образованному читателю запас лексики.

Следует остановиться на толковании слов «кацѣя» и «родостома», которые употреблены (в одном и том же месте) в распространенном по сравнению с оригиналом описании похорон царя Иудеи Ирода I: «500 же рабъ носяху многоцѣнныя араматы в златыхъ кацѣяхъ, а другая 500 носяху родостому в златыхъ сосудѣхъ» (I, 33, 8).

Оба приведенных грецизма вставлены переводчиком от себя. Слово «кацѣя» (новогреческое $\kappa\alpha\tau\sigma\iota$ — «кадильница») — это название предмета, обычно употреблявшегося при церковном богослужении в древней Руси — кадильница с деревянной ручкой⁶⁷. Естественно, что переводчик воспользовался этим словом для придания черт конкретности своему тексту.

Слово «родостома» («розовое масло») — грецизм, не внесенный в словари и отсутствующий в работе М. Р. Фасмера. Это слово, взятое из живой речи населения Византии, в этом специальном значении было воспринято переводчиком и использовано им как внесенное от себя.

Наконец, особого внимания заслуживает включение переводчиком в свой текст греческого слова «ол(о)кавтаматы ($\delta\lambda\omicron\kappa\alpha\upsilon\tau\omega\mu\alpha$)» (вариант — «оталкаматы», «всесожжения»).

Это слово вставлено переводчиком в текст «Истории» (VI, 2, 1) в том месте, где рассказывается о прекращении ежедневного жертвоприношения в Иерусалимском храме в последние дни осады. В древнерусском переводе читаем: «И бысть ему възвѣщено, яко жрътва бжиа оскудѣ, зане не бѣ приношения никакого же, и олкавтоматы ищезѣ, и народ рыдает того ради». Подчеркнутым словом нет соответствия в греческом оригинале.

⁶³ См. А. А. Иоаннидис. Новогреческо-русский словарь. М., 1950, стр. 402.

⁶⁴ В. С. Шандровская. Византийская басня „Рассказ о четвероногих“ (XIV в.). Перевод басни. ВВ, т. IX, 1956, стр. 221—249; Художественные особенности и язык памятника. ВВ, т. X, 1956, стр. 181—194.

⁶⁵ Там же, т. X, стр. 189.

⁶⁶ M. Triandofyllidis. Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgarliteratur. Strassburg, 1909, S. 124; G. Meyer. Neugriechische Studien. Wien, 1895, S. 40.

⁶⁷ См. М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, стр. 83.

Само слово «олокавтоматы» не является редким для древнеславянской письменности. Оно встречается и в «13 словах» Григория Богослова, и в древнеславянском переводе псалтыри.

М. Р. Фасмер приводит варианты «олакаутома», «олакавтомата» (греч. ὀλοκαύτομα — «жертва, полностью сжигаемая») ⁶⁸. По-видимому, это слово в его греческой форме могло получить широкое распространение не только в письменной, но и в устной речи в древней Руси, благодаря тому, что оно встречается в старославянском тексте 50-го псалма (стих 21), знание которого наизусть было обязательно для каждого церковника.

Остальные слова данной группы не представляют собою ничего необычного для языка славянорусской письменности и поэтому, конечно, с полной свободой могли быть использованы переводчиком.

V

III. Грецизмы, которым в греческом тексте соответствуют другие слова.

1. Аеръ — „преж бо съльньнаго захожения явишася по аеру и по небу... колесницы и пълци с оружемь“ (II, 4, 3); в греческом на месте этого: ὤφθη μετέωρα (явились метеоры). См. также подгр. I А, № 4.

2. Архиерѣствовати (I, 6, 1); греч. ἀρχιεροσύνην ἀπολαβεῖν — принять сан первосвященника (см. I А, № 10).

3. Асфальтъ (IV, 8, 4); греческое στυπτήρια — квасцы (см. I Б, № 2).

4. Гистерна (VII, 6, 2); греческое λάκκος; вариант (Волок.) — „систерна“ (водохранилище).

5. Грамота — греческое ἐπιστολή — 3 раза.

Грамоту послати — греческое γράφειν (написать).

Грамота црѣва — греческое αἱ βασιλικαί (царское повеление). См. также I А, № 19.

6. Дискось — греческое πίναξ (блюдо). См. группа II, № 6.

7. Дука — греческое φρούραρχος.

8. Еландии — „на устройство еландии“ (I, 21, 11); греческое ναυτικὸν κατασκευή (устройство флота).

9. Емфоръ (V, 1, 3) — греческое ἐπιμήρις (украшение одежды первосвященника).

10. Епистолия — „епистолию несуще о тѣх вѣщех“ (I, 31, 2); греческое ἐγγράφον τὰς μήησεις φέροντας.

11. Игемонъ — греческое στρατηγός (полководец); греческое πολέμαρχος (военачальник).

12. Игемонъ (прилагательное) — греческое ὁ τοῦ στρατηγοῦ.

13. Игемоньскъ — греческое ὁ τῶν ἐπὶ τρόπων.

14. Иподрумие (подрумие) — греческое ἀμφιθέατρον (амфитеатр); греческое γυμνάσιον (гимназий).

15. Керемида — греческое πλίνθος (кирпич).

16. Кесарьствие — греческое ἡγεμονία (руководство).

⁶⁸ М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, стр. 135. В данном месте исследователь приводит ссылку на А. С. Будиловича („Язык XIII слов Григория Богослова“. СПб., 1875, стр. 125) и Е. Ф. Карского („Западнорусские переводы псалтыри XV—XVII вв.“. Варшава, 1896).

17. Кесарьство — греческое ἀρχή (власть); греческое ἡγεμονία (руководство) — 5 раз; греческое τὸ κρατεῖν (владение); греческое ἡ βασιλεία (царская власть).
18. Кесарьствовати — греческое κρατεῖν (владеть); греческое ἡγεῖσθαι (руководить); греческое ἡγεμονίαν διένειν (иметь руководство).
19. Кивоть — греческое λάρναξ (ковчег завета).
20. Кубара — греческое τριήρης (триера, гребное судно).
21. Лимень — греческое ὄρμος (гавань); греческое ὄρμητήριον (пристань).
22. Мраморъ — греческое λίθος (камень).
23. Мраморянь — греческое λίθινος (каменный).
24. Огара — греческое τριήρης (гребное судно).
25. Огартъ — греческое βωμός (жертвенник) — 3 раза.
26. Полаты — греческое βασιλείον — βασιλεία (дворец) — 8 раз; греческое τὰ τέγη; греческое ἀρχιαιτά.
27. Полатьнь (прилагательное) — греческое τῶν βασιλείων.
28. Потиръ — греческое κρατήρ (чаша, храмовый сосуд) — 2 раза.
29. Проелиписиъ — греческое θρίαμβος (триумф) — 4 раза; греческое πομπή (торжество) — 2 раза; „проелиписиъ вести“ — греческое πομπεύειν (торжествовать).
30. Ревифи (зерно ривифино) — греческое ὄροφος (тростник).
31. Руга — греческое τροφαί (пропитание).
32. Систерна — греческое δεξαμένη (водохранилище).
33. Титла — греческое στήλη (стела, таблица из камня).
34. Трапеза — греческое ἀριστοποιεῖσθαι (угощение); трапезница — греческое δειπνητήριον (столовая).

Большинство приведенных в этом разделе слов не принадлежит к числу редких в памятниках славяно-русской письменности. Не зарегистрированы в словарях Миклошича и Срезневского лишь «еландии», «кесарьствие», «кесарьство» и «кесарьствовати»; moreover, производное корневое слово для последних трех — «кесарь» — обычно употребляется в старославянском литературном языке как в качестве собственного имени, так и титула римских императоров. Отсутствует в словарях также слово «систерна» в качестве лексико-фонетического варианта к слову «гистерна», встречающегося в памятниках переводной письменности.

Грецизмы разбираемой нами группы имеют особое значение как для восстановления греческого архетипа, лежавшего в основе древнерусского перевода «Истории», так и для изучения исторической лексикологии русского языка. Если грецизмы первой группы являются простой и точной передачей соответствующего греческого слова, то с грецизмами данной, третьей группы дело обстоит значительно сложнее.

Естественно возникает вопрос, не могут ли и они иметь подобное же происхождение, как и грецизмы, включенные нами в первую группу, т. е. не был ли перед глазами переводчика такой греческий список, в котором во всех соответствующих местах читались именно те греческие слова, которые переводчик сохранил в их греческой форме. Однако абсолютно все дошедшие до нас греческие списки «Истории» в текстологическом отношении настолько близки между собою, что какая бы то ни было возможность подобного предположения совершенно исключена. Принадлежность оригинала славяно-русского перевода именно к греческим спискам устанавливается на основе целого ряда других данных⁶⁹. Поэтому нет основа-

⁶⁹ См. об этом и об отражении различных особенностей текста в древнерусском переводе „Истории“, свойственных отдельным группам греческих списков, в нашем комментарии к древнерусскому переводу „Истории“, печатаемому в серии „Памятники древнерусской литературы“ (изд. АН СССР).

ний предполагать, что имела место такая радикальная переделка обычного греческого текста, а именно замена одних греческих слов другими, и притом только в тех случаях, которые отражены через грецизмы данной, третьей группы. Предполагать столь существенное различие в текстологическом отношении между греческими списками древнерусский перевод «Истории» не дает никаких оснований.

Следовательно, внесение в текст грецизмов, причисленных нами к третьей группе, всецело должно быть приписано самому древнерусскому переводчику. В этом и заключается их ценность с точки зрения русской исторической лексикологии.

Широкое употребление грецизмов свидетельствует, прежде всего, о творческом отношении переводчика к греческому тексту оригинала. Для его переводческой манеры характерны стремление к пространным описаниям, использованию плеоназмов, синонимических выражений, для которых грецизмы представлялись ему особенно подходящими.

Кроме того, применение грецизмов является признаком литературной образованности переводчика, его начитанности в современной ему оригинальной и переводной славяно-русской письменности. Наконец, они служат доказательством того, что переводчик в совершенстве владел греческим языком, причем не только литературным языком классической эпохи, на котором писал Иосиф Флавий, но, что особенно важно, живым разговорным греческим языком византийского периода. Употребление им заимствованных из греческого языка «иностранных» слов определялось, безусловно, их наличием в древнерусском литературном языке того времени, однако использование слов народного греческого языка говорит об индивидуальных склонностях переводчика, а именно о демократических тенденциях в его творчестве и о стремлении сделать перевод более современным. Это свидетельствует также и о желании переводчика показать свое знание иностранных слов, доказывает его всестороннюю образованность.

Если переводчик передал греческое *πίναξ* (блюдо) греческим же *δίσκος* «дискось»; греческое *κράτηρ* — словом «потирь»; греческое *ἑπιμόρις* — словом «эмофорь» (т. е. «омофорь»); греческое *βωμόс* — словом «олтарь», то этим самым он использовал грецизмы, вошедшие в старославянский письменный язык в качестве церковно-богослужебных терминов, широко известных в православной Руси.

Особенно показательны в этом отношении такие слова, как «потирь» и «дискось». Их наличие в тексте древнерусского перевода «Истории» категорически опровергает предположение Р. Эйслера о возможности существования их в греческом оригинале, имевшемся под рукой у переводчика, а заодно и примененный этим исследователем прием восстановления архетипа путем дословного обратного перевода.

Абсолютно невозможно предположить, чтобы еврей Иосиф Флавий или его «сотрудники», литературно образованные греки конца I века н. э., сознательно пользовались бы словами, впоследствии закрепившимися в качестве элементов церковно-богослужебной терминологии.

Что же касается слова «алтарь», то его вообще не могло быть в классическом греческом языке, так как оно вошло в старославянский литературный язык из латинского.

Если переводчик в одних случаях оставлял греческие *ἐπιστολή* и *γράμματα* в виде «эпистолии», «грамоты» и в то же время в других случаях *τὰ γράμματα* передавал через «эпистолию» и *ἐπιστολή* через «грамоту», или когда переводчик писал вместо *θρίαμβος* — слова, читавшегося в его оригинале, — в одних случаях «фриамвь», а в других случаях то же самое слово передавал термином «проелиписвь», то и

в этом проявлялась особая направленность в его творчестве. Слово «проелиписись» — греческое *προέλιψις* — было свойственно народно-разговорному языку византийской эпохи и служило для этого языка эквивалентом к классическому *θρίαμβος*⁷⁰. Это же слово встречалось переводчику и в греческом тексте «Истории», но так им не переводилось. Для большей ясности перевода переводчик не ограничивается одним употреблением слова разговорного греческого языка вместо классического *θρίαμβος*, но и разъясняет его своим читателям посредством глоссы: «Красѣиша избра в сохранении на побѣдное прохождение, еже есть проелиписись» (VI, 9, 1). В этом случае грецизм, почти несомненно, воспринят на слух, и не исключена возможность того, что переводчик, выполняя свой труд, мог пользоваться советами какого-либо современника-грека, пояснявшего ему значение трудных для перевода слов.

Если, с одной стороны, мы встречаем в переводе передачу греческого *ἵπποδρόμον* в форме тождественного морфологического переснимка «коне-ристанье», то, с другой стороны, вместо греческих *ἀμφιθέατρον* (амфитеатр) и *γυμνάσιον* мы читаем у него «подрумье» («ипподрумье») — слово, вошедшее через живую речь греков-современников, широко известное славяно-русской письменной традиции по другим памятникам⁷¹. Вместо греческого *τριήρης* (триера), два раза переведенного описательно как «огры тритребниязь», один раз переводчик употребил также слово греческого происхождения «кубара», распространенное в славяно-русской письменной традиции в результате влияния разговорного языка византийского периода. В связи с этим следует остановиться также и на слове «еландии», которым переводчик уточнил и конкретизировал общее выражение греческого подлинника «устройство судоходства» (I, 21, 1). Это слово, несомненно, в точности соответствует греческому *χελάνδιον* (*navigii genus* по Дюканжу)⁷².

Обычно считают, что это греческое слово дало в своем развитии на славяно-русской почве — «оладь» («олядь»)⁷³. Фасмер выразил недоверие к обычно приводимой этимологии этого слова за невозможностью объяснить фонетически утрату начального согласного «х» и переход «е» в «о» не в начале слова. С большим основанием он считал возможным видеть источник древнерусского «олядь» в народногреческом *ἀλάδιον* (*άλιάς*), которое Дюканж приводит в значении «лодка»⁷⁴. Теперь мы находим новое и явное соответствие греческому *χελάνδιον* в нашем «еландии».

Таким образом, отпадает сопоставление *χελάνδιον* — «олядь»⁷⁵, и этимология, приводимая Фасмером, получает свое подтверждение.

Возможно, грецизмом является приведенное нами по Виленскому списку слово «кастеръ», или «аксикастеръ» (по Волоколамскому списку), соответствующее греческому *ἀλουργίς* (шёлк) в описании погребального ложа Ирода Первого (I, 33, 5). В. М. Истрин высказал предположение,

⁷⁰ Ср. Eustathius. Opuscula. PG, t. 128, col. 726: ὁ θρίαμβος ὁ προέλιψιν ἢ κοινῇ γλώσσα καλεῖ; V. M. Istrin. La prise de Jérusalem, vol. I, p. 140.

⁷¹ М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, стр. 69.

⁷² Ch. d. F. Ducange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. Lyon, 1688, p. 1748.

⁷³ Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 74; А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова. Литографированный курс лекций. СПб., 1891, стр. 84.

⁷⁴ М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, стр. 135.

⁷⁵ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 135, 342.

что это слово («аксикастеръ») могло бы передавать якобы существовавшее в греческом название драгоценной ткани *ἀξικαστήρ* или *ὄξικαστήρ*⁷⁶.

Однако, поскольку русская рукописная традиция не подтверждает чтения, принятого В. М. Истриным, может быть, лучше читать только «кастеръ», что полностью соответствует греческому *κάστηρ* (*castor*) со значением «бобр», «бобровый мех».

Двойная семантика этого слова, видимо, объясняется хазарским влиянием, ибо у хазар одним и тем же термином «хаз» (каз) обозначались как драгоценный бобровый мех, так и роскошная шелковая ткань⁷⁷.

Следует еще остановиться на слове «ривифи», которое встречается в сочетании «зерна ривифина» (чечевица) (V, 10, 3) вместо греческого *βροφος*. В. М. Истрин был склонен считать такую замену ошибкой переводчика, который был введен в заблуждение сходством греческих *ῥοφος* (тростник) и *ῥεβίδος* (горох)⁷⁸. Это последнее обычно в древней славяно-русской письменности передавалось в форме «ривифь», «ривифинья», «ривифиньи» и не было редким словом⁷⁹. М. Р. Фасмер вполне правильно раскрывает этимологию этого древнерусского слова, возводя его к народно-греческому *ρεβίδι*⁸⁰. Впрочем, в ряде других переводов «Истории», в том числе и в новейших немецких, слову *ῥοφος* придается значение «горох»⁸¹; таким образом, нет достаточных оснований видеть в этом месте обязательно ошибку древнерусского переводчика.

Таким образом, мы убеждаемся в стремлении переводчика относиться свободно к переводимому им оригиналу, добиваясь наибольшей выразительности, образности, конкретности языка в соединении с большим стилистическим разнообразием. Однако подобное отношение к оригиналу отнюдь нельзя считать признаком неумения переводить, напротив, нередко переводчик основывается при этом на вполне реальных фактах. Так, гречизмы «дискось», «потиръ» в переводе появляются только тогда, когда рассказывается о храмовых богослужебных сосудах. Слово *λάβραξ* (ковчег) переводится «кивотъ», когда речь идет об известном читателям из библии событии: о пленении сирийцами так называемого «Кивота завета», храмовой святыни древних иудеев.

Слова «кесарьствие», «кесарьство», «кесарьствати» также употреблены переводчиком вполне уместно и кстати, поскольку во всех случаях повествуется о власти и правлении именно римских императоров — «кесарей».

Все сказанное позволяет нам с уверенностью заявить о том, что заимствования из греческого языка принадлежали значительное место в лексике древнерусского литературного языка. Эти заимствования, поскольку русские авторы ими свободно пользовались, сыграли положительную и прогрессивную роль в истории русского языка. Они обогатили наш язык не только обозначениями многих отвлеченных понятий, которыми беден был язык славян на первоначальной ступени своего развития, они способствовали выработке разветвленной системы синонимов и других изобразительных средств.

⁷⁶ V. M. Istrin. *La prise de Jérusalem*, vol. I, p. 61.

⁷⁷ Об этом см. Н. А. Мещерский. К толкованию лексики „Слова о полку Игореве“. „Ученые записки ЛГУ“, № 198. Серия филологических наук, вып. 24. Л., 1956, стр. 5—7.

⁷⁸ Архив В. М. Истрина. Архив АН СССР, фонд 332, опись 1, № 12.

⁷⁹ И. И. Срезневский. *Материалы...*, т. III, стр. 120.

⁸⁰ М. Р. Фасмер. *Греко-славянские этюды*, стр. 162.

⁸¹ *Flavius Josephus. Geschichte des jüdischen Krieges, übersetzt und mit Einleitung und Anmerkungen versehen von H. Clements. Halle, 1900, S. 531.*

Одним из главных источников появления грецизмов на русской почве служила наша переводная письменность. Однако лексика древнерусского литературного языка обогащалась не только через переводную литературу. В течение всего периода существования древнерусского языка, а в особенности до XII века, пока имели место непосредственные экономические, политические и культурные связи с Византией, одним из главных путей проникновения греческих заимствований в русскую лексику было живое языковое общение восточных славян с широкими демократическими кругами населения Византии; слова и выражения народного греческого языка свободно проникали в разговорный и литературный язык Киевской Руси.
